

References

1. Astrakhan region. "On some issues of legal regulation of local self-government in the Astrakhan region" from November 12, 2014. Law no. 71/2014-OZ. Adopted by the Duma of the Astrakhan region on November 11, 2014. *Sbornik Zakonov i normativnykh pravovykh aktov Astrakhanskoj oblasti" ot 13 noyabrya 2014 g.* [Collection of Laws and regulations of the Astrakhan region "from November 13, 2014], no. 54.
2. *Yedinyy informatsionnyy den. Obshchestvenno-politicheskie itogi i sotsialno-ekonomicheskie perspektivy : metodicheskie materialy* [Joint Information Day. Social and political outcomes and social and economic prospects. Teaching materials], Astrakhan, Tsentr sotsialno-ekonomicheskogo monitoringa i analitiki Publ., October 2014.
3. On the concept of local self-government in the Astrakhan region in the years 2015–2017. Resolution of the Government of the Astrakhan region no. 532-Pr from December 11, 2014. *Sbornik Zakonov i normativnykh pravovykh aktov Astrakhanskoj oblasti ot 25 dekabrya 2014 g.* [Collection of Laws and regulations of the Astrakhan region on December 25, 2014], no. 61.
4. Russian Federation. On general principles of organization of local government in the Russian Federation from October 6, 2003. Federal Law no. 131-FZ. Adopted by the State Duma on September 16, 2003, Federation Council approved on September 24, 2003. *ConsultantPlyus* [ConsultantPlus]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_166142/.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ КАК СРЕДСТВО КРИМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЯНИЙ (НА ПРИМЕРЕ НОРМ С БЛАНКЕТНОЙ ДИСПОЗИЦИЕЙ)

Чемеринский Константин Вячеславович, кандидат юридических наук, доцент

Филиал Северо-Кавказского федерального университета
357500, Российская Федерация, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. 40 лет Октября, 56
E-mail: chemerinsky@mail.ru.

Статья посвящена рассмотрению вопроса об обоснованности использования административной преюдиции как средства криминализации деяний в уголовном законе России. На примере норм с бланкетной диспозицией делается вывод об эффективности использования преюдиции, обосновывается мнение о необходимости расширения использования данного средства в целях соблюдения принципа вины в уголовном праве и облегчения задач правоприменителя по привлечению к уголовной ответственности виновных в совершении преступлений с бланкетным составом.

Ключевые слова: преступление, криминализация, административная ответственность, административное правонарушение, административная преюдиция

ADMINISTRATIVE PREJUDICE AS MEANS CRIMINALIZATION OF ACTS (ON THE EXAMPLE OF THE NORMS WITH BLANKET DISPOSITION)

Chemerinsky Konstantin V., Ph.D. (Legal Sciences), Associate Professor

Branch of North-Caucasian Federal University
56 40 let Oktyabrya, Pyatigorsk, Stavropol region, 357500, Russian Federation
E-mail: chemerinsky@mail.ru

The paper is devoted to consideration of the reasonableness of the use of administrative prejudice as a means of criminalizing acts in the criminal law of Russia. On the example of the rules with blanket disposition, the conclusion about the effectiveness of the use of administrative prejudice, grounded view of the need to expand the use of this tool in order to comply with the principle of guilt in criminal law and to facilitate the tasks of the law enforcer to bring to justice those responsible for crimes against blanket composition.

Keywords: crime, criminalization, administrative responsibility, administrative offense, administrative prejudice

В последние годы вопрос о допустимости и целесообразности применения административной преюдиции как средства криминализации деяний в УК РФ стал предметом оживленных дискуссий в теории российского уголовного права.

Как указывает А.Г. Безверхов: «сущность административной преюдиции состоит в признании неоднократно совершенных виновным лицом в течение определенного периода времени административных правонарушений после наложения за первое (первые) из них административной ответственности юридическим фактом, порождающим уголовно-правовые последствия. Эти последствия состоят в оценке последнего из уголовно ненаказуемых правонарушений как преступления и, соответственно, возложении на правонарушителя уголовной ответственности» [1, с. 52].

Таким образом, административная преюдиция как средство криминализации деяний представляет собой законодательную конструкцию, предусматривающую в качестве обязательного условия признания совершенного лицом деяния в виде преступления, предшествовавшее ему в течение определенного промежутка времени совершение тождественного деяния, повлекшего применение к данному лицу мер административной ответственности.

Институт административной преюдиции известен отечественному уголовному праву давно. Нормы с административной преюдицией содержались еще в дореволюционном уголовном законодательстве России, имелись они и во всех уголовных кодексах советского периода. Однако в первоначальной редакции УК РФ норм с административной преюдицией не было. Хотя, как справедливо отмечается в литературе, «в *скрытом виде* административная преюдиция фактически существовала и в первоначальной редакции УК РФ, в частности, в составах с признаком «злость» (например, в ст. 157, 177, 315 УК). Да и в ст. 154, 180 УК с момента принятия УК РФ и до сих пор фигурирует неоднократно, выступающая также завуалированным проявлением административной преюдиции» [3, с. 65].

В современной редакции УК РФ насчитывается уже три нормы с административной преюдицией. Первой из них является недопущение, ограничение или устранение конкуренции (ст. 178 УК РФ) в редакции Федерального закона от 29 июля 2009 г. № 216-ФЗ. Одно из альтернативных способов совершения данного преступления – неоднократно злоупотребление доминирующим положением; под которым, в соответствии с примечанием 4 к ст. 178 УК РФ, понимается совершение лицом злоупотребления доминирующим положением более двух раз в течение трех лет, за которые указанное лицо было привлечено к административной ответственности. Второй нормой с административной преюдицией, включенной в УК РФ, стала розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции (ст. 151.1 УК РФ). Конструктивным признаком этого преступления является неоднократно актов розничной продажи несовершеннолетнему алкогольной продукции. Согласно примечанию к ст. 151.1 УК РФ, розничной продажей несовершеннолетнему алкогольной продукции, совершенной лицом неоднократно, признается розничная продажа несовершеннолетнему алкогольной продукции, если это лицо ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние в течение ста восьмидесяти дней. Третьей нормой с административной преюдицией является ст. 212.1 УК РФ, введенная Федеральным законом от 21 июля 2011 г. № 253-ФЗ, предусматривающая ответственность за неоднократно нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования. В соответствии с примечанием к данной статье, неоднократным нарушением установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования признается его нарушение лицом, которое ранее привлекалось к административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренных статьей 20.2 Кодекса РФ об административных правонарушениях, более двух раз в течение ста восьмидесяти дней.

Следует отметить, что возвращение в уголовное законодательство института административной преюдиции в среде научной общественности нашло много противников. В целом, их замечания сводятся к следующему.

В первую очередь, противники административной преюдиции отмечают, что совершение двух или более административных проступков не способны изменить их социальную сущность и преобразоваться в преступление. Так, Д.С. Чикин отмечает: «административное правонарушение, сколько бы оно ни повторялось, не приобретает сущностных, материальных свойств преступления» [12, с. 17]. Эта позиция озвучивалась неоднократно и ранее. Например, А.Н. Тарбагаев указывал, что «повторное административное правонарушение не может образовывать новое качество, т.е. менять характер и степень общественной опасности» [10, с. 62–68].

По этому поводу хотелось бы отметить, что деяние, сконструированное с помощью административной преюдиции, не является равным по уровню общественной опасности предшествующему правонарушению, поскольку преступление представляет собой единство объективных и субъективных признаков. Как справедливо указывает П.Д. Фризен, переход административного правонарушения в уголовное преступление происходит через субъекта, совершившего деяние, то есть конструкция административной преюдиции предполагает не переход из количества совершенных правонарушений в их качество, а приобретение нового качества лицом, совершившим правонарушение или уже преступление [11, с. 12–14]. К этому стоит добавить, что лицо, совершившее административное правонарушение после привлечения его к административной ответственности, будучи предупрежденным о возможных уголовно-правовых последствиях в случае повторного совершения им такого же нарушения, демонстрирует не только более стойкую антиобщественную направленность, но и субъективно оценивает совершаемое повторно деяние именно как преступление, осознавая его уголовную противоправность.

Еще одним аргументом противников административной преюдиции является утверждение, что использование данной конструкции приводит к искусственному объединению в единичное преступление самостоятельных административных правонарушений, не связанных между собой, не обладающих содержательным единством, а соответственно, не способных выступать в качестве единичного преступления [5, с. 68].

По поводу данного замечания следует указать, что преступление с административной преюдицией не является каким-то гибридным сочетанием двух самостоятельных правонарушений. Преступлением признается лишь то деяние, которое совершено лицом, ранее подвергнутым административному наказанию. Первичное же нарушение, выступающее в роли условия уголовной ответственности, не приобретает в связи с этим значения структурного элемента преступного деяния, оно не меняет своей изначальной сущности – административного проступка. Связывает эти два (или более) деяний, одно из которых признается проступком, а другое – преступлением, то, что они совершены одним субъектом, субъективно эти деяния не охватываются единым умыслом. Следовательно, говоря об особенностях состава преступления с административной преюдицией, можно утверждать, что для него характерно наличие специального субъекта преступления. Юридическая связь первичного административного правонарушения и вторичного преступления заканчивается на этом.

Следующая позиция противников введения преступлений с административной преюдицией заключается в том, что данная конструкция нарушает принцип «non bis in idem». Поскольку административное правонарушение, за которое лицо уже привлекалось к административной ответственности, получает двойную юридическую оценку и влечет повторную ответственность уголовную [14, с. 71].

Относительно данного замечания хочется также указать, что первичное нарушение выступает в качестве условия уголовной ответственности, не становясь структурным элементом состава преступления с административной преюдицией. Соответственно, ответственность за каждое из этих преступлений имеет свои собственные

основания и возлагается самостоятельно. При этом двойной юридической оценки первичного административного правонарушения не происходит.

Следует отметить, что у идеи введения административной преюдиции как средства криминализации деяний в российское уголовное законодательство имеются также и сторонники.

А.Г. Безверхов подчеркивает: «Конструируя составы с административной преюдицией, законодатель тем самым предупреждает и административные деликты, и смежные с ними уголовно наказуемые деяния, исходя из презумпции: превенция проступков есть не что иное, как предупреждение преступлений, равным образом как и наоборот. Административное наказание рассматривается в данном случае как правовое средство борьбы не только с административными правонарушениями, но и с преступлениями» [1, с. 49]. По мнению А.В. Иванчина, конструирование составов с административной преюдицией полностью согласуется с теорией криминализации и иными фундаментальными положениями уголовного права [3, с. 65].

По нашему мнению, использование административной преюдиции в УК РФ социально обусловлено. Так, анализ данных уголовной статистики применения норм главы 22 УК РФ, в связи с увеличением критерия уголовной противоправности ряда деяний, связанных со стоимостным показателем крупного размера, крупного ущерба, дохода либо задолженностью в крупном размере, показывает, что произошло и существенное сужение пределов уголовной ответственности. В результате повышения в примечании к ст. 169 УК РФ указанного показателя в 2010 г. (ФЗ от 07.04.2010 № 60-ФЗ) с двухсот пятидесяти тысяч до полутора миллионов рублей число зарегистрированных преступлений, к примеру, по ст. 171 УК РФ в 2010 г. уменьшилось почти на 62 % по сравнению с 2009 г. (560 и 1470 соответственно). В 2013 г. зарегистрировано всего 185 преступлений данного вида, что вызывает недоумение, учитывая масштаб «серого рынка» в нашей стране. В связи с таким положением, все настойчивее звучат предложения о декриминализации целого ряда деяний, предусмотренных главой 22 УК РФ, в том числе, ввиду сложности установления уголовно-наказуемого размера извлеченного дохода (причиненного ущерба и т.д.). В качестве наиболее целесообразного варианта разрешения данной проблемы, по нашему мнению, можно предложить не декриминализацию какой-либо части преступлений, предусмотренных главой 22 УК РФ, а отказ от криминообразующего признака – извлечения дохода (причинение ущерба), с одновременным установлением административной преюдиции за соответствующие деяния.

Введение института административной преюдиции в ряде случаев сможет выполнять роль дополнительной гарантии соблюдения принципов уголовного права, особенно принципа вины. Это положение, в первую очередь, касается бланкетных составов преступлений.

Элементами содержания вины являются интеллект и воля, совокупность которых образует содержание вины в преступлении [9, с. 64]. Осознание общественно опасного характера деяния предполагает отражение в сознании лица, совершающего преступление, социального значения этого деяния, его основных объективных признаков.

В теории уголовного права позиция о невключенности осознания противоправности в содержание интеллектуального элемента умысла является преобладающей, однако она встречает все большее количество противников.

По мнению А.В. Наумова, в преступлениях со специальным субъектом, когда на лицо возлагаются обязанности выполнять или обеспечивать соблюдение каких-то правил или обязанностей, законодатель связывает осознание общественной опасности совершаемого виновным деяния с осознанием его противоправности [6, с. 210]. И.В. Шишко, анализируя проблемы вины в преступлениях в сфере экономической деятельности, предлагает включить осознание противоправности в определение умысла не как элемент конъюнкции, а дизъюнкции, определяя формулу умысла следующим образом: «Преступление признается совершенным с прямым (косвенным)

умыслом, если лицо осознавало общественную опасность или противоправность своих действий (бездействия)...» [13, с. 285]. Как указывает автор, незнание специальных запретов или обязанностей, характерных для норм, предусмотренных главой 22 УК РФ, носящих преимущественно бланкетный характер, исключает осознание лицом общественной опасности их нарушения, поскольку им не осознается и сам факт нарушения [13, с. 280–282].

Таким образом, многие специалисты отмечают, что интеллектуальный элемент сознания виновного при совершении преступления, состоящего в нарушении специальных правил, наряду с осознанием общественной опасности деяния, должен включать в себя осознание его противоправности [2].

Характерно, что в ст. 2.2 Кодекса РФ об административных правонарушениях для характеристики интеллектуальной сферы умышленной формы вины законодатель использовал формулу, включающую осознание лицом противоправности совершаемого действия (бездействия): «Административное правонарушение признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, сознавало противоправный характер своего действия (бездействия), предвидело его вредные последствия и желало наступления таких последствий или сознательно их допускало либо относилось к ним безразлично». Соответственно, законодательная модель для решения проблемы содержания вины в преступлениях с бланкетной диспозицией в российском законодательстве уже имеется.

Использование конструкции административной преюдиции в составах с бланкетной диспозицией в уголовном законодательстве позволит обеспечить полное соответствие принципу вины. Поскольку, совершив административное правонарушение, и подвергнувшись административному наказанию, лицо будет доподлинно знать о характере запрета и негативных уголовно-правовых последствиях повторного его нарушения.

Наглядным примером сложности данного вопроса является уголовное дело в отношении Урюпиной Н.В., осужденной по ч. 3 ст. 30 и ч. 4 ст. 222 УК РФ за преступление, выразившееся в попытке реализовать в пунктах оценки антиквариата два имевшихся у нее кортика, имеющих историко-культурную ценность. Это дело стало предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ. Постановлением КС РФ положение ч. 4 ст. 222 УК РФ, предусматривающее уголовную ответственность за незаконный сбыт холодного оружия, было признано не соответствующим Конституции РФ: «в той мере, в какой – в системе сохраняющего неопределенность правового регулирования оборота холодного оружия, имеющего культурную ценность, приводящую к его произвольному истолкованию и применению, – данное законоположение не предполагает возможность учета специфики использования такого оружия и не позволяет лицу, желающему реализовать его как предмет, имеющий культурную ценность, осознавать общественно опасный и противоправный характер своих действий, а также предвидеть их уголовно-правовые последствия» [8]. В данном уголовном деле, ввиду сложности и пробельности правового регулирования, судьи трех инстанций приняли решения, не вытекающие из требований отраслевого законодательства. Это наглядно свидетельствует о целесообразности введения административной преюдиции в составах с бланкетной диспозицией.

Несмотря на потенциальные перспективы использования административной преюдиции в УК РФ, имеющийся законодательный опыт российского законодателя заставляет критически оценить реализованные конструкции подобных норм. В первую очередь, это касается количества административных правонарушений, лежащих в основе уголовной противоправности. Так, в примечании к ст. 151.1 УК РФ говорится о двух правонарушениях, в примечаниях к ст.ст. 178 и 212.1 УК РФ – о трех. Временной интервал, в течение которого данные правонарушения сохраняют свою юридическую силу в качестве средства криминализации также неодинаковы. В ст. 151.1 УК РФ указывается на срок в размере ста восьмидесяти дней с момента первичного привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние, в ст. 178 УК РФ – на срок в размере трех лет, в ст. 212.1 УК РФ – на срок в размере ста восьмидесяти дней. При

этом в последних двух нормах речь идет о совершении лицом в течение указанного срока всех трех (или более) правонарушений, из которых лишь третье может быть признано преступлением. В то же время административное законодательство исходит из срока в размере один год со дня окончания исполнения постановления о назначении административного наказания в течение которого лицо, которому назначено административное наказание за совершение административного правонарушения, считается подвергнутым данному наказанию (ст. 4.6 КоАП РФ). По истечении этого срока лицо считается не привлекавшимся к административной ответственности.

По этому поводу Е.В. Ямашева справедливо отмечает, что положения п. 4 примечания к ст. 178 УК РФ, устанавливающие двукратную административную преюдицию, вступают в противоречие с нормами КоАП РФ о сроке, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию. В связи с этим непонятной становится ситуация, когда в течение указанных трех лет за одно из двух названных административных правонарушений лицо будет считаться не привлекавшимся к административной ответственности в связи с истечением срока, предусмотренного ст. 4.6 КоАП РФ [14, с. 78].

Позиция законодателя относительно преюдициальных сроков в статьях 151.1 и 212.1 УК РФ вызывает удивление. В официальном отзыве Правительства РФ на проект Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (в части совершенствования законодательства о публичных мероприятиях) также отмечалось: «Учитывая, что лицо, которому назначено административное наказание, считается подвергнутым данному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления, неясно, чем обусловлен срок наступления уголовной ответственности» [7].

Полагаем, что преюдициальные сроки в уголовном законодательстве должны соответствовать сроку, предусмотренному ст. 4.6 КоАП РФ, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию. Это обеспечит как единообразие подхода законодателя к конструированию норм УК РФ с административной преюдицией, так и межотраслевую согласованность норм уголовного и административного законодательства. В связи с этим, не можем поддержать мнение Е.С. Изюмовой, предлагающей для устранения несоответствия срока давности привлечения к уголовной ответственности за совершение преступлений небольшой тяжести и срока административной «наказанности» внести изменения в ст. 4.6 КоАП РФ в части увеличения срока административной «наказанности» до двух лет по правонарушениям, в отношении которых в Уголовном кодексе РФ предусмотрена административная преюдиция [4, с. 330]. Представляется, что не стоит «подгонять» под нужды уголовного права сложившийся в течение продолжительного времени институт другой отраслевой принадлежности.

Полагаем также, что законодателю при конструировании норм с административной преюдицией необходимо единообразно определить кратность административных правонарушений, лежащих в основе уголовной ответственности. Следует поддержать точку зрения Е.В. Ямашевой, указывающей на необоснованность закрепления в УК РФ двукратной административной преюдиции. Представляется, что в УК РФ следует использовать конструкцию однократной административной преюдиции. Поскольку в случае многократной преюдиции становится действительно непонятно, что же лежит в основании криминализации деяния. Как уже указывалось ранее, конструкция административной преюдиции не являет собой механическое перерастание количества правонарушений в новое качество. А предполагает приобретение существенного свойства преступления у повторного, т.е. второго правонарушения, в силу проявления более стойкой антиобщественной направленности правонарушителем, и изменения субъективной составляющей совершенного им деяния. Последующие после второго правонарушения уже не изменяют социальной сущности второго правонарушения, но свидетельствуют лишь о еще большей антисоциальной направленности субъекта и должны учитываться при назначении ему уголовного наказания.

Подводя итог, можно резюмировать, что использование конструкций преступлений с административной преюдицией как средства криминализации деяний представляется обоснованным, особенно в отношении составов с бланкетной диспозицией. Но при этом законодателю необходимо отказаться от применения двукратной преюдиции и выработать единый подход к определению временного интервала сохранения юридической силы образующих правонарушений.

Список литературы

1. Безверхов А. Г. Возвращение административной преюдиции в уголовное законодательство России / А. Г. Безверхов // Российская юстиция. – 2012. – № 1. – С. 48–53.
2. Вартумян А. А. Гражданское общество и СМИ в системе антикоррупционной политики современной России : монография / А. А. Вартумян, П. Л. Карабущенко. – Пятигорск : Северо-Кавказский федеральный университет, 2014. – 204 с.
3. Иванчин А. В. Конструирование составов преступлений с административной преюдицией: pro et contra / А. В. Иванчин // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. – 2012. – № 3 (21). – С. 65–68.
4. Изюмова Е. С. Административная преюдиция уголовной ответственности за незаконную организацию игорной деятельности / Е. С. Изюмова // Административное и муниципальное право. – 2014. – № 4. – С. 325–332.
5. Логашенко Н. А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! / Н. А. Логашенко // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. – № 3 (23). – С. 64–71.
6. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций / А. В. Наумов. – Москва : БЕК, 1999. – 560 с.
7. О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования законодательства о публичных мероприятиях) : официальный отзыв Правительства РФ на проект федерального закона // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации : официальный сайт. – Режим доступа: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(SpravkaNew\)?OpenAgent&RN=485729-6&02](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(SpravkaNew)?OpenAgent&RN=485729-6&02), свободный. – оглавление с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 05.08.2014).
8. По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации и статей 1, 3, 6, 8, 13 и 20 Федерального закона «Об оружии» в связи с жалобой гражданки Н.В. Урюпиной : постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 18-П от 17 июня 2014 г. // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 26 (часть II). – Ст. 3633.
9. Рарог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам / А. И. Рарог. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. – 304 с.
10. Тарбагаев А. Н. Административная ответственность в уголовном праве / А. Н. Тарбагаев // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1992. – № 2. – С. 62–68.
11. Фризен П. Д. Административно-правовое предупреждение отдельных видов преступлений : дисс. ... канд. юрид. наук / П. Д. Фризен. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2004. – 23 с.
12. Чикин Д. С. Преступление с административной преюдицией как вид сложного единичного преступления / Д. С. Чикин // Российский следователь. – 2012. – № 23. – С. 17–18.
13. Шишко И. В. Экономические правонарушения: Вопросы юридической оценки и ответственности / И. В. Шишко. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004. – 307 с.
14. Ямашева Г. В. К вопросу о восстановлении института административной преюдиции в уголовном законе / Г. В. Ямашева // Журнал российского права. – 2009. – № 10 (154). – С. 69–79.

References

1. Bezverkhov A. G. Vozvrashchenie administrativnoy preyuditsii v ugovolnoe zakonodatelstvo Rossii [Return administrative prejudice to the criminal law in Russia]. *Rossiyskaya yustitsiya* [Russian Justitia], 2012, no. 1, pp. 48–53.
2. Vartumyan A. A., Karabushchenko P. L. *Grazhdanskoe obshchestvo i SMI v sisteme antikorrupcionnoy politiki sovremennoy Rossii* [Civil society and the media in the anti-corruption policy of modern Russia], Pyatigorsk, North Caucasian Federal University Publ. House, 2014. 204 p.
3. Ivanchin A. V. Konstruirovaniye sostavov prestupleniy s administrativnoy preyuditsiey: pro et contra [Designing of structures of crimes with an administrative prejudice: pro et contra]. *Vestnik*

Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova. Seriya Gumanitarnye nauki [Bulletin of Yaroslavl State University named P. G. Demidov. Series Humanities], 2012, no. 3 (21), pp. 65–68.

4. Izyumova Ye. S. Administrativnaya preyuditsiya ugovnoy otvetstvennosti za nezakonnyuyu organizatsiyu igornoy deyatelnosti [Administrative prejudice the criminal liability for the illicit gambling activities]. *Administrativnoe i munitsipalnoe pravo* [Administrative and Municipal Law], 2014, no. 4, pp. 325–332.

5. Lopashenko N. A. Administrativnoy preyuditsii v ugovnom prave – net! [Say no to administrative prejudice in criminal law!]. *Vestnik Akademii Generalnoy prokuratury Rossiyskoy Federatsii* [Bulletin of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation], 2011, no. 3 (23), pp. 64–71.

6. Naumov A. V. *Rossiyskoe ugovnoe pravo. Obshchaya chast : kurs lektsiy* [Russian criminal law. Overview. The course of lectures], Moscow, BEK Publ., 1999. 560 p.

7. On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation (in terms of improving the legislation on public events). The official review of the Government of the Russian Federation on the draft federal law. *Gosudarstvennaya Duma Federalnogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii : ofitsialnyy sayt* [The State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. The official website]. Available at: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(SpravkaNew\)?OpenAgent&RN=485729-6&02](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(SpravkaNew)?OpenAgent&RN=485729-6&02) (accessed: 05.08.2014).

8. On the Constitutionality of the fourth paragraph of Article 222 of the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 1, 3, 6, 8, 13 and 20 of the Federal Law "On Weapons" in connection with the complaint of the citizen N. V. Uryupina. Constitutional Court decree of the Russian Federation no. 18-P from June 17, 2014. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2014, no. 26 (part II), art. 3633.

9. Rarog A. I. *Kvalifikatsiya prestupleniy po subektivnym priznakam* [Qualification of crimes on subjective grounds], Saint Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2003. 304 p.

10. Tarbagaev A. N. Administrativnaya otvetstvennost v ugovnom prave [Administrative liability in criminal law]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie* [Proceedings of the Higher Educational Institutions. Jurisprudence], 1992, no. 2, pp. 62–68.

11. Frizen P. D. *Administrativno-pravovoe preduprezhdenie odelnykh vidov prestupleniy* [administrative-legal prevention of certain types of crimes], Barnaul, Barnaul Law Institute of the Russian Interior Ministry Publ. House, 2004. 23 p.

12. Chikin D. S. Prestuplenie s administrativnoy preyuditsiey kak vid slozhnogo edinichnogo prestupleniya [Crime administrative prejudice as a kind of complex single crime]. *Rossiyskiy sledovatel* [Russian Investigator], 2012, no. 23, pp. 17–18.

13. Shishko I. V. *Ekonomicheskie pravonarusheniya: Voprosy yuridicheskoy otsenki i otvetstvennosti* [Economic offenses: Questions diligence and responsibility], Saint Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2004. 307 p.

14. Yamasheva G. V. K voprosu o vosstanovlenii instituta administrativnoy preyuditsii v ugovnom zakone [On a question of restoration of the institution of administrative prejudice in Russian criminal law]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2009, no. 10 (154), pp. 69–79.

УКРАИНСКИЙ ПРОЕКТ: ПРОБЛЕМА ТОТАЛЬНОЙ ИМИТАЦИИ

Ставицкий Андрей Владимирович, кандидат философских наук, доцент

Филиал Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
299001, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Героев Севастополя, 7
E-mail: stavis@rambler.ru

В статье рассматривается проблема позиционирования украинского проекта, которое строится на системно организованных терминологических и смысловых подменах. Эти подмены позволяют обосновать историческую легитимность украинского проекта и его право на образование украинского государства. А также создать иллюзию решения ряда социально-политических задач. Для этого национально озабоченные украинцы осуществили тотальную перекодировку сознания украинских граждан, чтобы обосновать отделение Украины от Русской цивилизации и последующий ее раскол. Раскол Русской цивилизации дает возможность ослабить Россию и взять под полный контроль её ресурсы. В статье раскрываются также причины, мотивация и